

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ М. В. ЛОМОНОСОВА

Нестор-История
Санкт-Петербург
2013

УДК 811.161.1'38
ББК 81.2Рус-5
Ф54

*Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН*

Рецензенты:

д-р филол. наук, зав. отделом С. А. Мызников (Ин-т лингвист. иссл. РАН)
д-р филол. наук, проф. О. Н. Гринбаум (С.-Петерб. гос. ун-т)

Ф54 **Филологическое наследие М. В. Ломоносова** : коллективная монография / отв. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. — СПб. : Нестор-История, 2013. — 480 с.
ISBN 978-5-4469-0118-0

Коллективная монография участников проекта «Словарь языка М. В. Ломоносова», осуществляемого в настоящее время в ИЛИ РАН, посвящена вопросам филологического дискурса М. В. Ломоносова (риторика, грамматика, поэтика, стилистика), освещает некоторые особенности его идиолекта. Отдельный раздел представляет историю доломоносовских грамматик в Российской академии наук. Части монографии объединены стремлением авторов показать, как формировалась филологическая традиция в России XVIII века. В основу книги легли доклады и сообщения, сделанные на научной конференции «Филологическое наследие М. В. Ломоносова», которая прошла в ИЛИ РАН 25–26 октября 2011 г.

Монография предназначена для историков русского языка, студентов и аспирантов гуманитарных факультетов высших учебных заведений, филологов и историков, любителей русского языка и культуры.

УДК 811.161.1'38
ББК 81.2Рус-5

Издание подготовлено при финансовой поддержке
гранта РГНФ № 10-04-00308а

«Словарь языка М. В. Ломоносова»
(руководитель С. С. Волков);
гранта РГНФ № 11-04-00206а

«Идиолект М. В. Ломоносова и европейский научный дискурс XVIII в.»
(руководитель К. А. Филиппов);
гранта РГНФ № 11-34-01222

«Формирование академической лингвистической традиции»
(руководитель Н. В. Карева),
гранта РГНФ № 12-04-00109а

«Исследование риторических трудов М. В. Ломоносова
(лингвистический и историко-культурный аспекты)»
(руководитель П. Е. Бухаркин)

ISBN 978-5-4469-0118-0

© Коллектив авторов, 2013
© ИЛИ РАН, 2013
© Издательство «Нестор-История», 2013

П. Е. Бухаркин¹
(СПбГУ/ИЛИ РАН)

**«КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО
К КРАСНОРЕЧИЮ...»
М. В. ЛОМОНОСОВА:
ЛИТЕРАТУРНЫЙ СТАТУС
И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО
ИЗУЧЕНИЯ**

Ключевые слова: риторика, филология, текстология, основной текст, творческая история, комментарий, стих, проза, античность, литературная культура.

Глава посвящена выяснению литературного статуса «Краткого руководства к красноречию...» М. В. Ломоносова и рассмотрению некоторых важных проблем его филологического изучения, среди которых особое место занимают текстологические вопросы, однозначное решение которых в настоящее время представляется затруднительным.

1

То, что поэтические произведения М. В. Ломоносова являются собою одно из высших достижений русского слова XVIII столетия, вряд ли нуждается в аргументации или может быть подвергнуто сомнению. Так же как и бесспорный эстетический статус его ораторской прозы, признанный уже его современниками. Но не меньшей языковой выразительностью отмечены и ломоносовские научные труды: они интересны не только выражаемыми в них научными идеями, но и в не меньшей степени своей речевой фактурой, которая делает ученые трактаты Ломоносова в некотором роде феноменами русской словесности,

¹ Петр Евгеньевич Бухаркин, д-р филол. наук, проф. кафедры истории русской литературы СПбГУ, ведущ. науч. сотр. отдела «Словарь языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН.

важными не для одних историков науки, то также историков русского литературного языка и даже русской литературы².

Подобная культурная ситуация была обусловлена обстоятельствами достаточно разного свойства; далеко не последнюю роль играла среди них эпоха, к которой Ломоносов принадлежал, — эпоха рефлексивного традиционализма³. Эта грандиозная (как по временной протяженности, так и по оставленному культурному наследству) эпоха охватывает VII–V века до Р. Х. — XVIII век по Р. Х. При всей естественной вариативности доминирующих мировоззренческих систем и духовно-идеологических интенций ей были присущи некие константы, в частности, цели и смысл познания осознавались носителями рефлексивного традиционализма в общих чертах одинаково. Они в конечном счете заключались в обнаружении некоей сокровенной основы бытия, трансцендентной по отношению к отдельному человеческому сознанию; даже лишь приоткрытая человеку, эта основа, заключая в себе истину, способна привести его к счастью, включающему в себя благо, справедливость и красоту. Процессы воплощения результатов такого умопостижения истины в слове, что было необходимо для передачи постигнутого другим людям, регулировались риторикой, которая недаром определялась не просто как искусство красноречия (понимая его, по Квинтилиану, как *ars bene discendi* или же как *ars ornandi*; впрочем, такие толкования не противоречили одно другому и между собою могли вполне мирно уживаться), но и как искусство *правильной* жизни, *правильной* в смысле ее соответствия истине. Причем в различных

² Укажу в связи с этим на книгу А. В. Чичерина «Очерки по истории русского литературного стиля» (Чичерин 1977), в которой научная проза Ломоносова рассматривается в качестве одного из высших достижений прозаического стиля XVIII века.

³ Понятие рефлексивного традиционализма было предложено С. С. Аверинцевым (1996). А. В. Михайлов, подойдя к этой же эпохе с точки зрения функционирования литературного слова, определил ее как культуру «готового слова» (Михайлов 1997).

речевых жанрах доминировали в чем-то разные составляющие риторики: в сочинениях научных (научных вообще, вне зависимости от конкретной науки, к чьему ведению они относились) на первый план выходили логико-аналитические начала, в поэзии (т. е. в художественной литературе) — языковые, позволяющие явить истину как красоту. Эти доминанты, разводя науки и поэзию, вместе с тем не разрывали их внутренней связи: в конечном счете поэзия и наука стремятся к одному — к обнаружению истины, которая начиная с христианизации античной мысли понималась как величие Божие; такое осмысление истины сохранялось в постгуманистическое время, к которому принадлежал Ломоносов.

Конечно, родственность науки и поэзии вовсе не означала их полной идентичности; слово науки близко, однако не тождественно поэтическому слову. Первое стремится к ясности, при всем великолепии и пышности, при несомненной восторженности ломоносовского научного стиля он, в целом, ясен и прозрачен; смысл ученого трактата обычно складывается непосредственно из прямого значения составляющих его слов, при всей своей эстетической заряженности он, скорее, статичен. С поэтическим произведением дело обстоит сложнее: его семантическое поле гораздо менее определено, границы такого поля размыты, а главное, оно само подвижно, в нем действуют уже не статические, но динамические смыслообразующие силы. Динамика эта образуется прежде всего сложным взаимодействием внутри его смыслового пространства прямого лексического значения составляющих его слов с другими содержательными стратегиями, связанными в первую очередь с поэтической формой (Бухаркин 2011: 101–128).

Семантической сложности такого уровня научные сочинения Ломоносова лишены. Но все же они, хотя и существенно иначе, решают те же конечные задачи, что и поэзия, — посредством слова, причем слова по возможности эстетически совершенного. Именно поэтому Ломоносов так беспокоился

о стилистической безукоризненности ученых своих трактатов; он совершенно отчетливо осознавал их *литературные* достоинства, в частности их значение для созидания ему желаемого и им самим создаваемого литературного языка.

«На природном языке разного рода моими сочинениями, — писал он в прошении на высочайшее имя о своем увольнении (1762), — грамматическими, риторическими, стихотворческими, историческими, также и до высоких наук надлежащими физическими, химическими и механическими, стиль российский в минувшие двадцать лет несравненно вычистился перед прежним и много способнее стал к выражениям идей трудных» (АПСС 10, 352).

Точные («высокие») науки, науки гуманитарные, поэзия, т. е. важнейшие плоды интеллектуальных усилий человека, кроме решения своих собственных задач, преследуют и общую для всех них цель — совершенствование языка. И это, естественно, их предельно сближает, делая в известных отношениях размытыми границы между ними. Прозрачность границ усиливается окружающим словесное творчество Ломоносова литературным контекстом, даже шире, теми общими принципами отношения к слову, которые определяли речевое поведение человека в его эпоху. Риторическая культура не предполагала жесткой и обязательной связи между тем, что мы называем художественной литературой, и вымыслом; эстетическая ценность текста определялась не выразительностью мимесиса, а красотой, прихотливостью, необычностью сочетания слов друг с другом, она была связана в первую очередь с актуализацией тех имманентных возможностей, которые были заложены в самой структуре слова. Эти качества могли (хотя и с неодинаковой интенсивностью) проявляться как в фикциональном (т. е. придуманном) словесном мире, так и в жанрах, направленных на прямое описание окружающего мира, в частности, в естественнонаучных сочинениях. В случае с Ломоносовым так и происходило, поэтому его произведения, вне их принадлежности к научному

или же поэтическому дискурсу, в известной мере становились литературными фактами, причем такими, какие в самой существенной степени воздействовали на развитие языка. Только что приведенные слова Ломоносова показывают, что сам он это ясно осознавал и придавал этой стороне своей деятельности особое значение.

Подобное отношение к научным сочинениям делает их отчасти и литературными произведениями, что, в свою очередь, требует филологического подхода к ним, в частности, обращения к их текстологическим проблемам. Риторические трактаты Ломоносова в данном отношении, естественно, не составляют исключения; более того, их значение как необходимых объектов филологического исследования значительно усиливается еще двумя обстоятельствами, отсутствующими в отношении ломоносовских естественнонаучных трудов. Первое из них, впрочем, в равной мере затрагивает все его филологическое наследие, «Российскую грамматику» или «Предисловие о пользе книг церковных...» в несколько не меньшей степени, чем «Краткое руководство к риторике» или «Краткое руководство к красноречию...». Все они, будучи выразительными фактами научной мысли, одновременно представляют собою феномены русского языка в его попытках собственного самоосознания. Можно сказать, что в «Кратком руководстве к красноречию...» (так же как в «Российской грамматике» и прочих филологических трудах Ломоносова) посредством ломоносовского интеллекта, выполняющего в данном случае функцию некоего органа выражения рефлексий языка над самим собой (своей природой, способом воздействия на мир и путями развития), русский язык явил самое себя в наиболее совершенных своих образцах, равно глубоких осмыслением внутренних языковых законов и блестящих совершенством их речевого выражения. Такое обстоятельство придает филологическим сочинениям Ломоносова совершенно особый статус и требует предельного внимания — в том числе — и к структуре их текста.

Второе из упомянутых обстоятельств уже касается только «Краткого руководства к красноречию...». Оно связано с известной двуприродностью этого произведения, соединяющего в себе высокоученый риторический трактат и собрание литературных примеров; свои положения и определения Ломоносов неизменно иллюстрирует прозаическими или поэтическими произведениями, являющимися конкретным воплощением в литературной практике отвлеченных правил. Иллюстраций этих много, одних стихотворных текстов насчитывается около семидесяти; некоторые из них невелики по объему, однако встречаются и достаточно внушительные стихотворения: басни, анакреонтическая ода «Ночною темнотою...», перевод «Eхegi monumentum...» Горация («Я знак бессмертия себе воздвигнул...»), переложения 14-го и 145-го псалмов, «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния» и др. К поэтическим примерам надо присовокупить и образчики прозаических сочинений; особенно богата ими третья книга — «О расположении». Здесь встречаются обширные и вполне законченные произведения, такие как перевод диалога Эразма Роттердамского «Утро» (§ 221), или же «Разговоры в царстве мертвых» Лукиана (между Александром и Ганнибалом). Велико по размеру и завершено по смыслу и замечательное рассуждение, предложенное в § 271 в качестве иллюстрации следующего силлогизма: «Ежели что из таких частей состоит, из которых одна для другой бытие свое имеет, оное от разумного существа устроено. Но видимый мир из таких частей состоит, из которых одна для другой бытие свое имеет. Следовательно, видимый мир от разумного существа устроен» (АПСС 7, 319). Рассуждение это лучше всего определить как «маленький трактат, где автор говорит о природе и о человеке, о живых процессах бытия, о единстве ясно и верно познаваемой материальной действительности» (Чичерин 1985: 207). «В нем, — по верным словам М. И. Сухомлинова, —

выражается основная мысль Ломоносова, высказанная им в нескольких сочинениях и заключающаяся в том, что изучение творения ведет к познанию Творца» (Сухомлинов 1895: 521 (2 паг.)). Использование разных источников (Цицерона, Иоанна Златоуста, Г.-В. Лейбница, Х. Вольфа) (Сухомлинов 1895: 521–531 (2 паг.)) не препятствует самостоятельности: Ломоносов лично захвачен тем, о чем пишет, перед нами не холодное упражнение изошренного в риторических правилах ума, а ответственный поступок человека, переживающего свою мысль как жизненную позицию.

Встречаются прозаические фрагменты — и не так уж редко — и в других книгах «Краткого руководства к красноречию...» Это примеры рассуждений (§ 82), описаний (§ 58), афоризмов (§ 41) и, конечно же, отрывки из эпидейктических речей — Демосфена, Цицерона, Григория Назианзина, Иоанна Златоуста, Амвросия Медиоланского. Жанровый спектр высокой прозы (а она одна и заслуживала признания в глазах людей середины XVIII столетия) представлен в ломоносовской риторике едва ли не во всей полноте⁴.

Конечно, риторический трактат классической эпохи (т. е. всего грандиозного периода рефлексивного традиционализма) по своей природе предполагал включение в себя разнообразных примеров: отвлеченные рассуждения — для того, чтобы быть сперва усвоенными, — нуждались в своеобразном разъяснении, которое и представляли собой литературные фрагменты; классическая риторика учила построению правильных текстов двойным способом: с помощью правил, экспликация которых составляла, так сказать, «теоретическую» часть риторического трактата, и с помощью образцов, заимствовавшихся (в виде фрагментов разного объема) у наиболее авторитетных авторов. Поэтому, начиная с «Риторики» Аристотеля (впрочем, как раз

⁴ Мной были указаны далеко не все из даваемых Ломоносовым жанровых образцов и тем более из приводимых им конкретных примеров.

в данном отношении не очень интересной — по части примеров Аристотель был крайне скуп), метариторические классические трактаты (античные, средневековые, гуманистические, постгуманистические, т. е. барочные/классицистические), как правило, включали в себя достаточно внушительную хрестоматийную часть — естественно, не оформленную как композиционно самостоятельный раздел. Подобная практика была распространена и в восточнославянской словесности XVII — первой половины XVIII века, которая в своих элитарных (как в социальном, так и в интеллектуальных аспектах) регистрах, европеизируясь, активно усваивала риторiku. Восточнославянские латиноязычные трактаты включали в себя авторитетные поэтические (в широком смысле, т. е. художественно-литературные) иллюстрации к заключенным в них теоретическим моделям. Пожалуй, наиболее выразительный пример в этом отношении дает «*De arte rhetorica*» Феофана Прокоповича⁵, наполненная отсылками к сочинениям весьма разнообразных авторов — как античных, так и раннехристианских. В одних случаях — это именно отсылки, ограничивающиеся простым перечислением образцов: так, 11-й раздел («О похоронной речи») 8-й книги «О эпидейктической или украшенной речи» обширного этого лекционного курса завершается пунктом 8, озаглавленным «Примеры»; в нем указаны наиболее значимые, по мнению Феофана, сочинения подобного рода — Григория Назианзина, Григория Нисского, Амвросия Медиоланского, Иеронима. В других случаях автор дает свой пересказ нужного ему отрывка — например, в 12-м разделе («О надгробных надписи или epitafii и про другие краткие речи, также и про остроты») той же 8-й книги находим, в частности, изложение фрагментов «Панегирика Траяну» Плиния Младшего. В третьих случаях Феофан предлагает собственные вариации

⁵ «*De arte rhetorica*» представляет собою лекционный курс, прочитанный Феофаном в Киево-Могилянской академии в 1706–1707 годах на латинском языке.

авторитетного текста: заключая этот же 12-й раздел 8-й книги примером, он дает свой вариант части речи Цицерона «В защиту закона Манилия», адресованной Помпею, предваряя его следующим комментарием: «...предлагаю тут коротенькое слово про великого Помпея, которое удалось создать на основе речи Цицерона „В защиту закона Манилия“» (Феофан 1979: 406). Наконец, в четвертых случаях (их — большинство) приводятся прямые цитаты: например, в 3-м разделе («О чувстве любви, стремления, заботы и тревоги») 5-й книги («О рассмотрении страстей») обильно цитируются Овидий, Корнелий Непот, Сенека, Марциал, Вергилий.

На таком фоне литературная составляющая «Краткого руководства к красноречию...» М. В. Ломоносова на первый взгляд не кажется ни необычной, ни тем более выдающейся. Однако это не так; некоторые — и весьма весомые — моменты придают литературным иллюстрациям ломоносовского трактата совершенно особый смысл, во всяком случае, в границах русской культуры. Во-первых, литературные примеры обильны (если говорить о восточнославянской словесности доломоносовского времени) прежде всего в латиноязычных риторических трактатах, метариторические сочинения на русском языке в данном отношении несоизмеримо скромнее — это относится и к «Риторике» митрополита Макария, и к «Риторике» М. Усачева, и к переводу «Риторической руки» Стефана Яворского Ф. Поликарповым, и к выговским старообрядческим риторикам. Подобная ситуация легко объяснима: русская словесная культура просто не обладала необходимыми литературными ресурсами — собственная литературная традиция казалась в этом случае неподходящей, включение латинских (тем более греческих) фрагментов в русскоязычный трактат представлялось неуместным (по ряду причин, в том числе и чисто дидактических), а к переводу таких фрагментов авторы, вероятно, были не готовы. Поэтому риторические трактаты на русском языке были в литературно-иллюстративном отношении весьма бедными; в них упоминаются те или иные образцы

(без этого риторический трактат обойтись все же не мог), но или в виде простых упоминаний, или же как неопределенный пересказ, причем совсем лишенный всяких претензий на сохранение риторического совершенства образца. В «Кратком руководстве...» дело обстоит совершенно иначе: его многообразные поэтические иллюстрации (как стихотворные, так и прозаические) передают риторические образцы именно как образцы для упражнений на *русском языке*. Для этого они должны были быть совершенными, и Ломоносов прилагает все огромные свои литературные силы для достижения искомого совершенства, — как правило, с несомненным успехом; ничего подобного в восточнославянская риторическая теория до этого не знала.

Правда, в общеевропейском культурном контексте данный факт уже не кажется совершеннейшим исключением; в западноевропейских риторических трактатах — во всяком случае в постгуманистическую эпоху — можно обнаружить нечто подобное. Так, Б. Грациан в своем риторическом компендиуме «Остроумие или искусство изощренного ума», как правило, снабжал приводимые примеры переводом, часто сопровождавшимся комментирующими пояснениями (Штейн, Брагинская 1977: 635). Но его переводы-толкования прилагались к оригиналам, что в самой существенной мере меняло их статус по сравнению с тем, что обнаруживается у Ломоносова: соседство античного подлинника снижало образцовость его воплощения на новоевропейском языке, перевод, несомненно, демонстрировал поэтические возможности последнего, но все-таки высшая авторитетность при этом сохранялась за словом античности, а не Новой Европы. Ломоносов, как известно, оригиналы опускает, предлагая исключительно русский вариант, который силой собственной единичности (т. е. отсутствия латинского/греческого подлинника) приобретает статус окончательного и достаточного для литературного сознания образца, не требующего подкрепления авторитетом оригинала. Стоит обратить внимание в связи с этим на похожую параллель, но теперь в границах русской словесности середины XVIII века — имею

в виду многочисленные стихотворные фрагменты из античных авторов в переводе «Истории» Ш. Роллена — Кретье⁶, выполненным В. К. Тредиаковским на протяжении почти трех десятилетий — с конца 1730-х по конец 1760-х годов; работа Ломоносова над «Кратким руководством к красноречию...», таким образом, по времени совпадает с колоссальным предприятием его старшего современника и главного с ним соревнователя — она захватывала 1740-е, а если иметь в виду поправки, внесенные им в текст трактата при подготовке издания Московского университета 1757–1759 годов, то и 1750-е годы. Тредиаковский включает в свой исторический труд переводы античных поэтов, конечно, в совсем иных видах, нежели Ломоносов; собственно говоря, это было даже не вполне его решение: он непосредственно следовал за подлинником, поэтическая его воля определялась замыслом оригинала. Но все же его переводы, особенно стихотворные (а Тредиаковский переводил античных поэтов во многих случаях и прозой) имели несомненное поэтическое значение, что позволяет сопоставить их с литературными примерами «Краткого руководства к красноречию...»⁷. Такое сопоставление сразу же обнаруживает различия между переводами двух авторов в интересующем нас сейчас отношении: переводческие стихотворные опыты Тредиаковского (которые он делал с подлинным увлечением, в ряде случаев отказываясь от тех или

⁶ Под условным названием «История» Роллена — Кретье я имею в виду переводы двух многотомных сочинений самого Ш. Роллена: «Древняя история об египтянах, о карфагенянах, об ассирианах, о вавилонянах, о мидянах, персах, о македонянах и о греках» (Роллен 1749–1762) и «Римская история от создания Рима до битвы Актийская, то есть по окончании Республики...» (Роллен 1761–1767) и труда ученика Роллена Ж.-Б. Л. Кретье «История о римских императорах с Августа по Константина...» (Кретье 1767–1769).

⁷ Художественные аспекты стихотворных фрагментов в переводе Роллена — Кретье были рассмотрены А. А. Дерюгиным (см. Дерюгин 1985). В настоящее время эта сторона литературной деятельности Тредиаковского в разных аспектах исследуется А. Н. Семихиной, которую я благодарю за консультации и предоставление ряда сведений.

иных фрагментов Роллена, иногда же добавляя самостоятельно выбранные из римлян отрывки) неизменно сопровождалась латиноязычными оригиналами, отсутствие же их у Ломоносова заметно смещало акценты: приводя примеры исключительно на русском языке, Ломоносов, тем самым, полностью устранял момент соревновательности — русский язык сам по себе способен к порождению идеальных художественных образцов.

Второй момент неразрывно связан с только что сказанным. Весомость «литературной» составляющей «Краткого руководства к красноречию...», вдобавок ко всему многократно усиливалась поэтическим гением Ломоносова: художественные иллюстрации в трактате принадлежали перу (как оригинальные произведения, так и переводы) великого поэта. Пожалуй, после Цицерона европейская литература классического типа не знала подобного примера (с некоторыми оговорками здесь можно назвать также Грациана): фундаментальный риторический труд был создан не просто выдающимся интерпретатором речевой деятельности, но и гениальным творцом. Это усиливало идею совершенства русского языка, способного к порождению высших форм поэтической авторитетности, усиливало за счет своеобразной персонификации данного совершенства — оно не просто потенциально содержится в русском языке, оно уже выражено в произведениях самого автора риторического трактата, т. е. Ломоносова, который, тем самым, становится основным (а в действительности — единственным) литературным авторитетом, соответствующим самым неоспоримым авторитетам как древней, так и новоевропейской словесности.

Как известно, Ломоносов был очень сдержан, во всяком случае, в «Кратком руководстве к красноречию...», в отношении национальной литературной традиции (коренным образом отличаясь здесь от В. К. Тредиаковского, весьма ценившего многих своих предшественников и старших современников), однако его собственные литературные иллюстрации были призваны свидетельствовать о том, что традиция эта к настоящему моменту уже обладает совершенными художественными

достижениями и — что, возможно, еще значимее — образцовым автором. В той литературной ситуации, в которой создавался ломоносовский трактат, это приобретало дополнительный — и крайне важный — культурный смысл. С известной долей преувеличения, но можно сказать, что центральные литературные деятели эпохи — А. Д. Кантемир, В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, чуть позднее А. П. Сумароков — предлагали каждый свой в чем-то особый вариант новой русской литературы в ее отношениях к собственному прошлому и литературам западным; эти концептуальные предложения были разработаны, естественно, с разной степенью подробности и совсем по-разному были донесены до публики (в случае с А. Д. Кантемиром они вообще не были преданы гласности). Наиболее полной формой выражения подобных концепций оказались собрания сочинений, сама идея которых родилась в сознании В. К. Тредиаковского и М. В. Ломоносова почти одновременно — на рубеже 1740–1750-х годов⁸. Однако еще до этого публикацией в 1748 году «Краткого руководства к красноречию...» Ломоносов отчасти пытается решить ту же задачу: благодаря своим литературным примерам, ломоносовский риторический трактат оказывается одновременно и своего рода

⁸ Надо сказать, что хотя Ломоносов опередил Тредиаковского, выпустив «Собрание разных сочинений в стихах и в прозе» в 1751 году («Сочинения и переводы как стихами, так и прозою» В. К. Тредиаковского появились на следующий год, в 1752г.), однако Тредиаковский в своих «Сочинениях и переводах...» действительно предлагает обширную программу русской словесности, в то время как «Собрание разных сочинений...» Ломоносова, не пошедшее далее первого тома, в этом отношении несравненно менее выразительно. С «Сочинениями и переводами...» сравним, скорее, второй ломоносовский опыт в этом роде — изданное при Московском университете в 1757–1759 годах двухтомное «Собрание разных сочинений в стихах и в прозе г. коллежского советника и профессора Михайла Ломоносова... 2-е изд. с прибавлениями», для которого, в частности, было написано программное «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке». О «Сочинениях и переводах...» Тредиаковского в указанном аспекте см.: (Алексеева 2009: 446–494).

первым в русской литературной культуре опытом авторского собрания сочинений и переводов — фрагментарного, но, тем не менее, несущего в себе определенную концепцию дальнейшего развития русской литературы.

3

Подобная литературная «нагруженность» «Краткого руководства к красноречию...» заставляет отнести к нему как во многом особому литературному феномену, требующему филологического своего исследования. Применение же к ломоносовскому сочинению филологического аналитического инструментария, в свою очередь, неизбежно влечет за собою критику его текста: как наука, направленная на понимание того или иного словесного произведения, филология первоочередной своей задачей считает установление основного текста изучаемого произведения, а затем разъяснение его «темных» мест, т. е. комментирование. Без предварительных операций такого рода невозможно перейти к дальнейшим этапам филологического исследования⁹. Поэтому рассмотрение «Краткого руководства к красноречию...» в филологических аспектах предполагает прежде всего обсуждение возникающих в связи с ним текстологических вопросов. А их немало, можно сказать, что все три важнейшие составляющие текстологии — установление канонического (основного) текста, творческая история произведения, объясняющий комментарий — оказываются, пусть и в несколько разной степени, актуальными для «Краткого руководства к красноречию...»¹⁰.

⁹ В понимании целей и задач филологии я следую за ее характеристиками, данными в русской науке Ф. Ф. Зелинским, Г. О. Винокуром, С. С. Аверинцевым, А. Б. Муратовым, которые, при всех весьма значительных отличиях, сходятся в своих главных концептуальных положениях. См.: (Зелинский 1902: 811–816; Муратов 1993: 95–100; Муратов 1996: 89–99; Винокур 2000: 452–562).

¹⁰ См. о центральных текстологических проблемах, применительно к новой русской литературе: (Винокур 1927; Томашевский 1959; Лихачев 1964; Рейсер 1978).

Первая из проблем, первая как по порядку, так и по значимости, — установление основного текста — сопровождается применительно к ломоносовской риторике еще и дополнительными трудностями: по отношению к самому авторитетному академическому изданию сочинений Ломоносова — Полному собранию сочинений в 11 томах, начатому под общим руководством С. И. Вавилова в 1950 году (АПСС) — достаточно острым оказывается вопрос о языковой идентичности публикуемых в нем текстов орфографическим, пунктуационным и грамматическим принципам их первоначальных изданий, в конечном счете соответствующих языковым представлениям самого Ломоносова¹¹. В основу лингвистической стратегии воспроизведения ломоносовских текстов издателями АПСС, по их собственным словам, были положены «Правила издания исторических документов», изданные в 1955 году Институтом истории Академии наук СССР, Главным архивным управлением и Историко-архивным институтом (Виноградов, Бархударов, Блок 1956: 469) и предлагающие передавать словесные произведения, в частности XVIII века, следуя правилам современной орфографии. Вместе с тем формальное применение подобных правил к классическим текстам таит в себе и немалые опасности, которых не избежали — при всей своей несомненной филологической авторитетности и высоком профессионализме — и редакторы академического издания: «При издании филологических трудов Ломоносова приведена бесшабашная модернизация текста, вдобавок осложненная небрежностью. Редакторы сплошь и рядом игнорируют индивидуальные особенности морфологии, синтаксиса, орфографии Ломоносова, отражающие существенные моменты в историческом развитии русского литературного языка <...>» (Морозов 1956: 169)¹².

¹¹ Эта проблема в нашей монографии оказывается и в поле исследовательского внимания С. С. Волкова («Словарь-справочник “Риторика М. В. Ломоносова”: источники и тексты»), рассматривающего ее в связи с кругом общих лексикографических проблем.

¹² Надо сказать, что вопрос о принципах модернизации текстов авторов XVIII века — именно научный вопрос, требующий дальнейших

При всей заостренной категоричности этой оценки, данной изданию А. А. Морозовым, очень во многом с ним трудно не согласиться.

Здесь, кстати, уместно вспомнить, что многие выдающиеся знатоки текстологических проблем новой русской литературы, в их числе Б. М. Эйхенбаум и С. А. Рейсер, сами занимавшиеся языковой модернизацией классических литературных текстов, вместе с тем видели таившиеся в ней опасности и против нее предостерегали; приведу весьма характерное суждение Б. М. Эйхенбаума: «Уничтожение <...> следов живого языка равносильно его фальсификации; это некультурно и антиисторично» (Эйхенбаум 1962: 80; Рейсер 1978: 23–24). В случае же с Ломоносовым общие трудности увеличиваются существенной разнородностью его произведений, образующих не только оппозицию «стих — проза», но и «научный — художественный тип речи»; хотя выше говорилось об относительности противопоставления науки и поэзии в сознании и творческой практике Ломоносова, вовсе игнорировать такое противопоставление тоже не следует — языковая ткань его, с одной стороны, художественных произведений, а с другой, произведений научных все же существенно разнится. Надо сказать, что редакторы АПСС вполне осознали связанные с этим сложности и предложили при издании собственно художественных произведений (к которым относятся не только поэтические произведения, но и панегирическая проза, и проекты фейерверков и иллюминаций, соединяющие в себе стихотворную и прозаическую речь) во многом отступить от принципов публикаций текстов в предшествующих томах и с большим вниманием отнестись к сохранению как орфографии Ломоносова, так и устаревших грамматических форм (что особенно важно применительно

размышлений. В качестве существенной вехи на пути этих размышлений, уже весьма удаленной от нас во времени, можно указать на статью: (Лотман, Толстой, Успенский 1981: 312–324).

к стихотворным текстам). Подобное решение, при всей своей несомненной оправданности и продуктивности, вместе с тем уязвимо, причем сразу по нескольким причинам. Во-первых, применение разных принципов к изданию произведений одного автора, хотя и освещено в русской филологической практике высокими текстологическими авторитетами, представляется логически несколько уязвимым: несмотря на глубокие различия между отдельными ветвями творчества, словесный мир автора являет свою некую, пусть относительную, но несомненную целостность; поэтому воспроизведение отдельных фрагментов этого мира при помощи разных текстологических принципов в пределах единого целого, которое составляет (при всем естественном многообразии) собрание сочинений, не может не вызывать известные сомнения. Во-вторых, это общее соображение в случае с Ломоносовым усиливается особой языковой выразительностью всех его — а не только прямо литературных — произведений; как уже говорилось выше, грань между его художественными (выражаясь языком XX века) и нехудожественными сочинениями достаточно зыбка; язык последних также насыщен эстетическим содержанием, что делает применение к ним других публикационных стратегий не вполне мотивированным. В-третьих, ряд произведений, не вошедших в 8-й том академического издания, в частности исторические труды Ломоносова, несколько не уступают своей литературностью его панегирикам, недаром В. О. Ключевский видел в главном ломоносовском историческом опусе — «Древней Российской истории от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 года...» (опубл. в 1766 году) — плод скорее поэтического, а не научно-го вдохновения: Ломоносов «хотел мгновенным вдохновением уловить дух русской истории. Это, очевидно, прием оратора или поэта» (Ключевский 1989: 197). Публикация этого текста по другим правилам, нежели публикация, скажем, «Слова похвального Ея Величеству Государыне Императрице Елисавете

Петровне» (1749), в связи с этим кажется мотивированной в явно недостаточной степени. Тем более это следует сказать при сопоставлении «Древней Российской истории...» с программами фейерверков и иллюминаций, воспроизводящимися с большим сохранением индивидуальной манеры Ломоносова.

Приведенные выше факты можно было бы преумножить: например, совсем неясно, почему «Явление Венеры на Солнце, наблюденное в санктпетербургской императорской академии наук мая 26 дня 1761» (особенно имею в виду финал этого сочинения, где Ломоносов не только с совершенной отчетливостью выражает свое представление о смысле и целях человеческого познания вообще, но и создает прозаический гимн человеку и мирозданию) в меньшей мере заслуживает сохранения своей лингвистической аутентичности, нежели, к примеру, «Слово благодарственное Ея Императорскому Величеству на освящение Академии художеств, именем Ея говоренное» (1764). Однако и сказанное представляется достаточным, чтобы увидеть в принципах лингвистического воспроизведения текста, положенных в основу академического издания проблемы, явно нуждающуюся в дальнейших научных рассмотрениях. Острота этой проблемы значительно усиливается и тем, что принципы воспроизведения текста АПСС были без всяких пояснений и комментариев повторены в исправленном и дополненном воспроизведении АПСС в 2011 году (АПСС²).

Однако, как отмечалось, вопросом о языковой аутентичности ломоносовских текстов в двух последних академических изданиях проблема основного текста «Краткого руководства к красноречию...» совсем не исчерпывается; этот вопрос создает лишь дополнительные трудности, сама же проблема расположена в иной, собственно текстологической плоскости. Эта проблема была выявлена в ходе дискуссии, состоявшейся в середине 1950-х годов.

В 1956 году, через несколько лет после выхода (в 1952 году) 7-го тома АПСС (редакторы — В. В. Виноградов, С. Г. Бархударов

и Г. П. Блок), включающего в себя труды по филологии, такой глубокий (хотя и весьма пристрастный и не вполне принадлежащий к твердой академической научной традиции) знаток ломоносовского творчества, как А. А. Морозов, выступил с принципиальной и далеко не лишённой язвительности критикой издания — и не всего филологического тома, а только лишь входящего в него «Краткого руководства к красноречию...». А. А. Морозов обратил внимание на то, что избранное редакторами 7-го тома в качестве основного текста «Краткого руководства к красноречию...» издание 1765 года, признанное ими выражением последней авторской воли, вряд ли является таковым. Приведя ряд обоснованных (хотя и высказанных не без запальчивости) аргументов, он квалифицировал издание 1765 года не как последнее авторское издание, но как простую перепечатку первой публикации «Краткого руководства к красноречию...» (1748), причем перепечатку по дефектному экземпляру. Ломоносов к этой публикации отношения не имел, и посему считать ее выражением последней авторской воли вряд ли следует. Основным текстом «Краткого руководства к красноречию...» следует, по мнению А. А. Морозова, считать издание 1759 года, представляющее собой 2-й том «Разных сочинений в стихах и в прозе господина коллежского советника Михаила Ломоносова», изданных Московским университетом, участие в котором автора несомненно: на это, в частности, указывает титульным лист 2-го тома — «второе издание с сочинителевыми исправлениями». Текст имеет ряд разночтений с изданием 1748 года, перепечатанным в 1765 году и положенным в основу текста, помещенного в АПСС (Морозов 1956: 167–168). В сочетании с модернизацией текста и отдельными небрежностями текстологического описания выбор неправильного варианта в качестве основного делает 7-й том АПСС, точнее — помещенный в нем текст «Краткого руководства к красноречию...», весьма уязвимым с точки зрения филологической критики текста.

Такова первая текстологическая проблема «Краткого руководства к красноречию...». Как видим, она включает в себя два во многом самостоятельных вопроса; первый из них — о возможностях и пределах языковой модернизации классического текста — в последнее время неоднократно ставился, причем применительно к авторам различных исторических периодов. Однако его постановка — насущно необходимая для дальнейшего уяснения самых существенных текстологических задач — все же не перешла в строго научное, взвешенное и многостороннее обсуждение; отчасти поэтому традиционная филологическая конвенция не была опровергнута. И осознавая все существенные трудности, возникающие в ходе реализации этой конвенции, а также несомненные потери, несомые классическим текстом, в настоящее время вряд ли возможно от нее отказаться; хотя совершенно очевидна также необходимость хотя бы частичного пересмотра доминирующих ныне правил и поисков более адекватных способов воспроизведения языковых особенностей текстов XVIII века; их — в первую очередь¹³. Пока же, очевидно, следует удовлетвориться выявлением этой проблемы как требующей дальнейших аналитических размышлений; в конце концов сам факт констатации нерешенного вопроса важен для науки и продуктивен для ее дальнейшего развития.

Второй вопрос об окончательном тексте «Краткого руководства к красноречию...» — выбор одного из вариантов в качестве канонического — такого рода сложностей, казалось бы, не вызывает; однако при современном состоянии науки о Ломоносове и ее решение становится во многом затруднительным. Дело в том, что статья-рецензия А. А. Морозова, вызвав ответ редакторов 7-го тома АПСС — В. В. Виноградова,

¹³ Об особой остроте данной проблемы применительно именно к литературным произведениям XVIII века см.: (Лотман, Толстой, Успенский 1981).

С. Г. Бархударова и Г. П. Блока (1956: 469–472), — резкость которого, заметим мимоходом, вполне соответствует резкости морозовской статьи, в дальнейшем не стала предметом научного обсуждения. В связи с этим вопрос об основном тексте «Краткого руководства к красноречию...», едва возникнув, оказался вытесненным из поля научных интересов специалистов по филологическому наследию Ломоносова. В частности, его обходят вниманием и авторы наиболее солидных пособий по истории русской риторики — В. П. Вомперский (1988¹) и В. И. Аннушкин (2003). Более того, возникшая проблема, как уже отмечалось, не нашла себе места и при переиздании 7-го тома в новом варианте АПСС² (2011). Вместе с тем, при всей своей убедительности, аргументы А. А. Морозова требуют как проверки, так и систематизации. Несмотря на то, что ответ ему со стороны редакторов 7-го тома в целом вряд ли может быть признан убедительным — как раз морозовская аргументация против издания 1765 года как содержащего основной текст «Краткого руководства к красноречию...» в нем почти обходится — для решения вопроса требуется дальнейшее кропотливое сравнительное исследование имеющихся прижизненных вариантов текста, которое так и не проводилось, несмотря на истекшую с момента инициированной А. А. Морозовым полемики половину с лишним века. Выборочную работу такого рода — на материале третьей («О тропах речений») и четвертой («О тропах предложений») глав второй части «Краткого руководства к красноречию...» («Об украшении») — проделал К. Н. Лемешев¹⁴. По его заключению, разночтения между университетским изданием 1759 года и публикацией 1765 года не затрагивают концептуальной основы трактата; вместе с тем они относительно многочисленны и в некоторых случаях связаны с достаточно серьезными изменениями текста. Наибольший интерес представляют (из отмеченного К. Н. Лемешевым)

¹⁴ Благодарю К. Н. Лемешева, любезно разрешившего мне воспользоваться результатами своих наблюдений.

следующие расхождения между двумя изданиями: во-первых, в § 189, которым открывается глава 4, в издании 1759 года находим: «...от которых <тропов — П. Б.> получает слово **знатное** возвышение и великолепие, а особливо от четырех первых» (Ломоносов 1759: 129), в издании же 1765 года — «от которых <тропов. — П. Б.> получает слово **особливое** возвышение и великолепие, а особливо от четырех первых» (АПСС 7, 249–250). Во-вторых, в § 192, заключающем в себе загадки и пословицы как примеры аллегии, в издании 1759 года приводится перевод четырех стихов (104–107) из Вергилия (Эклога 3), разделенных ломоносовским пояснением:

Скажи, в каких землях, то будешь ты мне Феб,
Не больше трех локтей открыты небеса

И о цвете Гиацинта, родившемся от Агисовой крови:

Где именем царей украшены цвета?
Как скажешь, то владей Филлидою один
(Ломоносов 1759: 130).

Издание же 1765 года ограничивается только первым двустишием (АПСС 7, 251). Существенно отличаются и приводимые пословицы.

Издание 1759 года:

Гворенное слово серебро, а умолчание золото.
Молебен пет, а польги нет.
Где тонко, тут и рвется (Ломоносов 1759: 130–131).

Издание 1765 года:

И всяк спляшет, да не так, как скоморох.
Молебен пет,
А польги нет.
Либо полон двор,
Либо корень вон (АПСС 7, 251).

В-третьих, в § 193, при характеристике аллегорического стиля, в издании 1759 года находим: «Умеренно употребленная аллегория слово украшает и возвышает, а без меры часто в слово внесенная оное помрачает и обезображает. Иногда служит к возбуждению страха и в сем случае ночи подобна, ибо потаенное страшит больше, нежели явно» (Ломоносов 1759: 131). В издании 1765 года перед вторым предложением появляется слово «однако»: «Умеренно употребленная аллегория слово украшает и возвышает, а без меры часто в слово внесенная оное помрачает и обезображает. **Однако** иногда служит к возбуждению страха и в сем случае ночи подобна, ибо потаенное страшит больше, нежели явно» (АПСС 7, 252). Наконец, четвертое разночтение (из представляющихся наиболее показательными) обнаруживается в § 195: описывая различные варианты эмпфазиса, в качестве одного из примеров Ломоносов приводит перевод 62–63 стихов из VI Эклоги Вергилия, в издании 1759 года звучащих следующим образом:

Обводит дерскаго корой сестр Фаетонта
И ольхи на земли високия рождает (Ломоносов 1759: 133).

В издании 1765 года находим:

Корой обводит сестр продерзка Фаетонта
И ольхи на земли велики производит (АПСС 7, 251).

Приведенные примеры разночтений между изданиями 1759 года и 1765 года показывают существенные различия между этими двумя вариантами, причем они взяты всего из двух глав ломоносовского трактата, состоящего, как известно, из 21 главы. В настоящее время интерпретировать эти отличия более чем затруднительно: разночтения между двумя редакциями не дают еще оснований видеть в издании 1759 года окончательный авторский текст.

Поэтому само по себе текстологическое сопоставление двух изданий, скорее всего, не сможет стать окончательным аргументом для решения вопроса о статусе одного из них как содержащего основной текст ломоносовского риторического трактата; во всяком случае, имеющиеся сейчас в нашем распоряжении факты не позволяют это сделать. В частности, нельзя полностью отвергнуть возможность видеть в отказе от поправок 1759 года проявление сознательной авторской воли (как полагали редакторы 7-го тома АПСС), отражающей предпочтение первоначального варианту позднему; подобное представляется маловероятным, но все же возможным. В некоторых случаях именно первый вариант, т. е. издание 1748 года, повторенное в 1765 году, а не издание 1759 года представляется более соответствующим поэтической практике и стилистическим установкам зрелого Ломоносова; особый интерес тут имеют уже приводившиеся выше варианты перевода 62–63 стихов VI Эклоги Вергилия, помещенные как пример эмфазиса в § 195.

Текст 1759 года:

Обводит дерсаго корой сестр Фаетонта
И ольхи на земли високия рождает

сложной инверсией первого стиха, напоминающей затрудненный стихотворный язык В. К. Третьяковского, а если говорить о Ломоносове, то стилистику его первых од, в частности, «Оды на взятие Хотина...», кажется противоречащим общей эволюции ломоносовского поэтического стиля, в то время как издание 1765 года, повторяющее вариант 1748 года

Корой обводит сестр продерзка Фаетонта
И ольхи на земли велики производит

данной эволюции вполне отвечает и выглядит естественным в контексте ломоносовской поэзии второй половины 1740–1760-х годов.

Вместе с тем в других случаях изменения, внесенные автором в текст «Краткого руководства к красноречию...» при публикации 1759 года явно улучшают его стилистические показатели и позволяют точнее выразить авторскую мысль; среди разночтений, в связи с этим можно указать на характеристику аллегорического стиля в § 193. Поэтому и второй аспект проблемы установления основного текста «Краткого руководства к красноречию...» — выбор той или другой редакции в качестве проявления последней авторской воли — ныне не поддается, как представляется, однозначному решению. В настоящее время нам остается только констатировать существование этого важнейшего текстологического вопроса и, исследуя данное сочинение, не упускать его из виду.

5

Вторая текстологическая проблема, возникающая в связи с «Кратким руководством к красноречию...» — воссоздание его творческой истории — лишена трудностей подобного рода: ход работы Ломоносова над риторическими его сочинениями, сопровождающие эту работу биографические подробности, отзывы о ней современников — все это неоднократно описывалось в научной литературе и включалось в комментарии к академическим изданиям ломоносовских сочинений. Собственно говоря, проблемный характер имеет лишь один вопрос, встающий в связи с творческой историей этих трактатов — о соотношении между «Кратким руководством к красноречию...» и риторическим трактатом 1744 года, т. е. «Кратким руководством к риторике», да и то он прежде всего связан с семантическими оттенками текстологической терминологии. Дело в том, что в отношении двух риторических трактатов Ломоносова обычно применяется слово «вариант»¹⁵. Вместе с тем в строго

¹⁵ См., напр.: (Аннушкин 2003: 201–202) и др. Особенно существенно, что понятие «вариант» употребляется и при комментировании риторических трактатов Ломоносова в АПСС, где требуется

текстологическом смысле вряд ли возможно определить «Краткое руководство к красноречию...» как вариант — пусть значительно расширенный — «Краткого руководства к риторике»; хотя термин «вариант» употребляется в текстологии в несколько разных значениях и отличается известной размытостью, он вместе с тем остается все же термином. Так, Б. В. Томашевский определяет вариант как «ограниченные объемом различия текстов одного и того же произведения» (Томашевский 1959: 106) по существу в подобном же значении используют понятие «вариант» и Д. С. Лихачев и С. А. Рейсер, вообще считавший (в отличие от Д. С. Лихачева) «вариант» синонимом «разночтения» (Лихачев 1962: 134, 138, 161; Рейсер 1978: 35–40); во всех случаях речь идет о разновидностях (причем не очень значительных) одного произведения, более того — одного текста. Использованию данного термина к взаимоотношениям «Краткого руководства к красноречию...» и «Краткого руководства к риторике» препятствуют некоторые факторы весьма существенного свойства.

Во-первых, объем второго риторического трактата не просто значительно превышает объем «Краткого руководства к риторике», он превышает его настолько, что количественный показатель приобретает здесь несомненный проблемно-содержательный смысл: «Краткое руководство к красноречию» превосходит «Краткое руководство к риторике» почти в пять раз; такие количественные различия уже сами по себе заставляют усомниться в том, что «Краткое руководство к риторике» и «Краткое руководство к красноречию...» представляют собою разновидности одного и того же текста. Во-вторых, — и это представляется более сущностным — между двумя ломоносовскими сочинениями по риторике обнаруживаются

(по самой природе издания) текстологическая терминологическая точность. См.: Блок, Макеева 1952: 790, 792; Блок, Макеева, Сазонова 2011: 671.

и значительные композиционные различия. Дело здесь не ограничивается теми сразу же бросающимися в глаза моментами, такими как четырехчастное деление первого трактата (состоящего из разделов «Изобретение», «О украшении», «Расположение» и «О произношении») и трехчастная структура второго («О изобретении», «О украшении», «О расположении») или же перечнем глав и параграфов: 12 главам и 140 параграфам «Краткого руководства к риторике» (последняя часть — «О произношении» — на главы не делится и соответственно может быть приравнена к главе) отвечают 21 глава и 326 параграфов «Краткого руководства к красноречию...»¹⁶. Гораздо важнее различия в содержательном наполнении параграфов, на что указывали, например, Г. П. Блок и Н. В. Макеева, отмечавшие значительные композиционно-содержательные отличия между обоими риторическими трактатами и пришедшие к следующему заключению:

«Многие параграфы нового текста сходны по содержанию с параграфами старого <...>, но именно только сходны: дословного совпадения нет нигде. Весь вообще текст второго варианта, являясь плодом коренной кропотливой переработки первого, написан Ломоносовым заново» (АПСС 7, 811).

Различия композиционного типа между двумя ломоносовскими риторическими произведениями ощущал и М. И. Сухомлинов¹⁷, но он все же существенно преувеличил степень зависимости второго трактата от первого.

¹⁶ Хотя и за этими, казалось бы, внешними отличиями скрываются глубоко содержательные проблемы; так, именно в части «О произношении» Ломоносов высказывает «интересные наблюдения над интонацией» (Кузнецов 1953), естественно отсутствующие в «Кратком руководстве к красноречию...».

¹⁷ Некоторые из параграфов почти дословно сходны между собой в обеих Риториках. В иных параграфах — те же мысли, в той же последовательности и такие же примеры, так что вся разница состоит в замене одних слов другими, подобными. Иногда — те же мысли, но в другой последовательности. Нередко в одном параграфе Риторики

В-третьих, следует иметь в виду, что результатами «коренной и кропотливой» переработки текста «Краткого руководства к риторике» в текст «Краткого руководства к красноречию» были значительные изменения концептуального характера: общая риторическая концепция 1747 года была у Ломоносова, вероятно, несколько иной, нежели тремя годами прежде. Судить об этом позволяет исследование К. Н. Лемешева (2013), в заключении которого автор рассматривает изменения в понимании силлогизма, приводящие к появлению в «Кратком руководстве к красноречию...» оригинального по отношению к источникам (риторическим трактатам Н. Коссена, Ф.-А. Помея, И. К. Готтшеда, М. Усачева, лекционному курсу Порфирия Крайского) и нового по отношению к «Краткому руководству к риторике» осмыслению силлогизма, связанному с четким разделением логического и риторического аспектов и их последовательным композиционным распределением по разным частям трактата: логическая составляющая силлогизма рассматривается в первой части — «О изобретении» (глава V «О изобретении доводов»), риторическая — в третьей — «О расположении» (глава III «О расположении по силлогизму»). Таким образом обнаруживаются принципиальные композиционные отличия между двумя риторическими трактатами Ломоносова не только в плане архитектоники и стилистического оформления, но и в аспекте общей риторической концепции.

Наконец, в-четвертых, «Краткое руководство к красноречию...» отличается от первого риторико-теоретического опыта Ломоносова не просто количеством иллюстративного материала и его объемом, но и качеством: сказанное в начале статьи о литературном значении ломоносовской риторики относится исключительно ко второму его риторическому сочинению —

1744 года заключается, в самом сжатом виде, то, что гораздо страннее изложено в двух, трех и даже четырех параграфах Риторики 1748 года и т. д. (Сухомлинов 1895: 3, 20 (втор. пар.)).

«Краткое руководство к риторике» не может быть определено ни как некое собрание образцовых сочинений, ни даже как «первоклассная литературная хрестоматия» (Западов 1979: 151).

Все это в совокупности и делает весьма сомнительным употребление слова «вариант» по отношению к двум теоретическим описаниям риторики, созданным Ломоносовым. Конечно, как уже отмечалось, речь идет во многом о терминологическом обозначении, однако использование понятия «вариант» невольно приводит к представлению о текстовом единстве интересующих нас книг, о том, что они являются разновидностями одного и того же текста. А это совершенно не так: «Краткое руководство к риторике» и «Краткое руководство к красноречию...» представляют собою два самостоятельных сочинения, различающихся многими своими сторонами — и формальными, и содержательными. В связи с этим реконструкция риторической теории Ломоносова на основании сразу обоих трактатов (как это делал, например, В. П. Вомперский (1988¹: 134–170)¹⁸) представляется не вполне корректной; каждый из них требует отдельного исследования и комментирования, в том числе описания взаимоотношения ломоносовских текстов с их источниками — эти взаимоотношения, очень возможно, были различными; об этом приходится говорить в сослагательном наклонении в связи с малоизученностью проблемы именно в таком аспекте. Причем не вызывает сомнений, что не первая (оставшаяся известной крайне небольшому числу читателей и не оставившая следа¹⁹), но вторая книга — «Краткое руководство к красноречию...» — наиболее полно отражает риторическую концепцию автора, будучи, одновременно с этим, выдающимся явлением словесности середины XVIII века.

¹⁸ Следует сказать, что в работе В. П. Вомперского риторические взгляды Ломоносова вообще растворяются в его стилистических и общеязыковых концепциях.

¹⁹ Напомню, что «Краткое руководство к риторике» впервые было опубликовано М. И. Сухомлиновым в 3-м томе «Сочинений» М. В. Ломоносова.

Не менее важной, чем вопросы об основном тексте «Краткого руководства к красноречию...» и о его творческой истории, оказывается и проблема его комментирования, в первую очередь связанная с установлением источников и определением принципов соотношения с ними ломоносовского текста. Конечно, только этим аспектом объем комментирования «Краткого руководства к красноречию...» ни в коей мере не исчерпывается, однако именно он имеет первостатейную важность.

Некоторые, наиболее явные источники риторической теории Ломоносова были выявлены уже в XIX столетии; первым, как известно, о них заговорил митр. Евгений (Болховитинов) в «Словаре русских светских писателей» (Сухомлинов 1895: 3, 286 (втор. паг.)); значительный вклад в их установление и систематизацию внесли редакторы трех научных академических изданий этого трактата: М. И. Сухомлинов, Г. П. Блок и В. Н. Макеева, Л. И. Сазонова (Сухомлинов 1895: 3, 18–562 (втор. паг.); Блок, Макеева 1952: 790–800, 805–838; Блок, Макеева, Сазонова 2011: 645–658, 662–718); этот вопрос естественным образом попадал и в поле зрения как историков русской риторики (например, Г. Грассхофа, Р. Лахманн, В. П. Вомперского, Г. Кайперта, В. И. Аннушкина и др.), так и исследователей творческого наследия Ломоносова (Н. Я. Данько, А. В. Западова, И. З. Сермана, А. А. Морозова и мн. др). Однако при несомненной значимости уже проделанной работы многое здесь остается не вполне проясненным и, соответственно, требует дальнейших исследовательских усилий.

Л. И. Сазонова в своей глубоко содержательной преамбуле к исправленным и расширенным ею комментариям Г. П. Блока и В. Н. Макеевой выделила некоторые из возникающих в ходе аналитического комментирования «Краткого руководства к красноречию...» задач. Так, при выявленности основных источников «Краткого руководства к красноречию...» в целом

неясным остается вопрос о степени ориентации Ломоносова именно на них: во многих случаях «полные или частичные совпадения между сопоставляемыми фрагментами не обязательно свидетельствуют об их прямой генетической связи, но могут объясняться принадлежностью к общей риторической традиции» (АПСС² 7, 673). В недостаточной мере изучена и проблема заимствования Ломоносовым примеров для своего риторического трактата — «вопрос о том, из каких источников он исходил <...> остается открытым» (АПСС² 7, 673). Очевидно и то, что могут (и должны) искаться еще не известные науке источники ломоносовского сочинения; несомненно требуется более пристальное и последовательное его рассмотрение в контексте русской риторической традиции²⁰. К этому надо добавить, что требует не просто изучения, но и правильной научной постановки и выработки соответствующих ей аналитических принципов проблема переосмысления полученных Ломоносовым от европейской риторической традиции концепций и положений.

Решение — хотя бы частичное — этих и других, подобных им, комментаторских задач может состояться лишь при усвоении уже сделанного. А это — среди прочего — предполагает обращение к общим принципам комментирования, особенно комментирования академического: опыт подготовки академических изданий Ломоносова отчетливо обнаруживает крайне значительную разность возможных здесь подходов. Дело в том, что пять томов «Сочинений» М. В. Ломоносова, подготовленных М. И. Сухомлиновым, отличаются от академического издания, начатого под руководством С. И. Вавилова, не только объемом комментариев, но и — главное — их основополагающими принципами. Данная проблема была рассмотрена в свое время

²⁰ Рассмотрение этой проблемы В. И. Аннушкиным, имеющее во многом предварительный характер, демонстрирует открывающиеся здесь возможности. См.: (Аннушкин 2003: 197–210).

на материале томов, включающих в себя поэтическое наследие Ломоносова (соответственно 1, 2 и 3 томов «Сочинений» Ломоносова, подготовленных М. И. Сухомлиновым в 1891–1895 годах и 8-го тома АПСС, 1959 год), И. Ю. Пимановой, любезно разрешившей мне воспользоваться ее наблюдениями. В самом общем виде главные различия между ними сводятся к следующим двум моментам: во-первых, комментарии М. И. Сухомлинова носят, так сказать, более литературный характер; как правило, они замкнуты преимущественно в пределах собственно поэтических проблем; комментарии же 8-го тома, общие принципы которых были определены Г. П. Блоком, несравненно большее внимание уделяют научному, идеологическому и историческому контекстам ломоносовских стихотворений, а также реальному комментарию. Конечно, встречаются исключения, например, сухомлиновский комментарий к «Хотинской оде» (занимающий 72 страницы!) наряду с литературно-культурными материалами включает в себя и материалы историко-политические, причем весьма обширные, так приводится «журнал компании», напечатанный в «С-Петербургских ведомостях», объемом в 13 страниц мелкого шрифта (Ломоносов 1891: 1, 79–92 (втор. паг.)), но это те исключения, которые лишь подтверждают правило.

Во-вторых, — и это расхождение более существенно, — комментарий М. И. Сухомлинова прежде всего направлен на создание достаточно широкого литературного контекста, позволяющего представить место ломоносовского произведения в литературной культуре, т. е. его своеобразии на фоне предшествующей традиции, воздействие на последующую литературную историю и его рецепцию современниками и потомками. Несомненно, в основе и подобного комментария лежит некая концепция поясняемого им текста, но именно — лежит в основе, не эксплицируясь в последовательную нарратацию. Благодаря этому комментарий не навязывает своего понимания, но побуждает читателя, исходя из содержащегося в нем материала,

самому выстраивать концептуальное осмысление ломоносовского произведения.

Комментарии к 8-му тому АПСС организованы по-другому: они представляют собою сюжетно организованную нарративную историю о комментируемом тексте, комментарий формирует определенное концептуальное его восприятие, тем самым не только поясняя смысл произведения, но и его интерпретируя; в некоторых случаях комментатор и прямо выносит весьма определенные суждения по поводу семантических доминант толкуемого текста (например, выражения вроде «такова основная идея оды» (АПСС 8, 875)).

При комментировании «Краткого руководства к красноречию...» такое несходство между двумя комментаторскими стратегиями несколько смягчается, но все же не исчезает вовсе; принципиальным здесь становится следующее отличие: М. И. Сухомлинов при непосредственном и последовательном комментировании параграфов ломоносовского риторического трактата (которое следует — как во всех подготовленных Сухомлиновым томах — за списком разночтений и относительно небольшой преамбулой, во многом посвященной рецепции «Краткого руководства к красноречию...»), по существу, ограничивается приведением параллельных мест из достаточно большого числа трактатов — античных, новоевропейских и русских — как указанных им (в примечаниях к «Краткому руководству к риторике») в качестве прямых источников Ломоносова, так и выходящих за их пределы (например, Цицерон, Квинтилиан, Хр. Вольф и др.). При этом приводятся относительно обширные фрагменты, достаточные для определения степени соответствия ломоносовского текста предшествующим ему риторическим сочинениям. Однако выводы по каждому конкретному случаю предлагается делать читателям комментария: как и в случае со стихотворным наследием, комментатор ограничивается созданием некоего открытого контекста, всячески избегая подмены пояснения истолкованием.

Комментарий Г. П. Блока и В. Н. Макеевой строится совершенно иначе. И он — в отличие от комментариев к художественным произведениям Ломоносова в 7-м томе — носит пояснительный, а не интерпретирующий характер, однако стратегия этих пояснения совсем другая, нежели у Сухомлинова: они направлены в первую очередь на разъяснение реалий и на указание конкретных источников примеров. Общего контекста — как контекста риторической теории, так и контекста репрезентативной для этой теории европейской литературной традиции — эти комментарии не создают. Отсутствуют в них и упоминания последующих откликов на ломоносовскую риторiku, которые — в единичных случаях — все-таки встречаются у Сухомлинова; из них едва ли не наибольший интерес представляет комментарий к § 58, где, рассматривая способы распространения слова, Ломоносов характеризует соловья и павлина. В первом случае его источником служит «Естественная история» Плиния Младшего (пример, заимствованный из трактата Н. Коссена), во втором — Лукиан. Приведя ломоносовские претексты, М. И. Сухомлинов далее солидаризируется с мнением Я. К. Грота, полагавшего, что данный параграф ломоносовского трактата мог послужить импульсом к созданию Г. Р. Державиным стихотворений «Павлин» и «Соловей» (Сухомлинов 1895: 3, 339–341 (втор. паг)). Тем самым сухомлиновский комментарий, как и в случае пояснения поэтических произведений, предоставляет материал для осмысления роли Ломоносова (его риторического наследия) в истории русской литературы, он предоставляет материал, избегая общих суждений, не подкрепленных конкретными примерами.

Сказанное выше никак нельзя понимать как критику комментариев Г. П. Блока и В. Н. Макеевой; они в ряде случаев значительно дополняют сухомлиновские примечания, комментаторы 7-го тома АПСС в высшей степени ответственны и основательны в своих пояснениях. Речь идет о другом — о разных филологических стратегиях комментирования.

Поэтому объединение этих комментариев в некий синтез вряд ли возможно. Конечно, можно (и нужно) использовать конкретные наблюдения одного комментатора для обогащения другого. Но именно и только для обогащения фактической стороны, не меняющего общей комментаторской стратегии. Так и произошло при подготовке «Краткого руководства к красноречию...» для второго издания АПСС² в 2011 году — Л. И. Сазонова включила многие сведения, заимствованные из примечаний М. И. Сухомлинова, в обновленный ею комментарий Г. П. Блока и В. Н. Макеевой, что, тем не менее, не изменило его общих принципов; он остался комментарием поясняющим, но все же не дающим импульсов к дальнейшим разысканиям, не формирующим филологического исследовательского контекста. Вместе с тем как раз создание такого исследовательского поля в настоящее время становится одной из самых важных задач научного комментирования, все более сдержанно относящегося к нарративным структурам, в своей жесткости неизбежно заключающих определенное насилие над свободой рецепции. «Нарративная форма изложения уже мало убеждает» (Грабович 1997: 7) — эти, достаточно давние, слова Гр. Грабовича, к комментариям применимы едва ли не в первую голову. Данное обстоятельство заставляет искать такие формы комментирования, которые, продолжая развивать исследовательские стратегии комментариев М. И. Сухомлинова, одновременно с этим соответствовали бы как новым потребностям филологической науки, так и ее современным возможностям. Одной из таких форм может стать — при благоприятствовании многих условий — особого вида лексикографическое описание ломоносовского трактата.

Как явственно следует из вышеизложенного, глава имеет прежде всего описательный, в старом значении этого слова — реферативный, характер; ее цель состояла в выявлении существующих в связи с текстом «Краткого руководства к красноречию...» проблем, в характеристике уже предложенных наукой решений и в констатации возникающих трудностей. Думается, и такой подход имеет право на существование — движение вперед невозможно без предварительного подведения итогов.

«Краткое руководство к красноречию...», безусловно, требует дальнейшего изучения: и как литературное предприятие, и как словесный текст сложной структуры, и как систематически оформленное выражение риторической теории, и как памятник русского литературного языка; интересно оно и во многих других аспектах. И приступая к такому изучению, надо ясно представлять текстологические проблемы, возникающие в связи с этим словесным памятником — без этого любое филологическое к нему обращение будет отчетливо неполным и, более того, уязвимым.

P. Bukharkin. «Brief Guide to Rhetoric...» of by M. V. Lomonosov: Literary status and some problems of philological research.

The chapter focuses on the literary status of the M. V. Lomonosov's "Brief Guide to Rhetoric". Some problems of its philological research are analysed, among them — a few ambiguous textological problems.